

Управление архивного дела
администрации Алтайского края

Лаборатория исторического краеведения Барнаульского
государственного педагогического университета

Государственная архивная служба
Республики Алтай

ГУЛЯЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

БАРНАУЛ
1998

В.И. Казанцев

г. Барнаул

Выбор места под строительство Павловского завода

В некоторых работах по истории Павловского сереброплавильного завода говорится, что место под его строительство «объявил» крестьянин деревни Язовой Софон Тагильцев, а специалисты и начальник Кольвано-Воскресенских заводов А.И. Порошин решили: «Оное место zelo подходящее» [1]. В других публикациях Тагильцев не упоминается, приоритет отдается специалистам [2]. В живой же действительности все было намного сложнее.

К концу 40-х годов XVIII в. в окрестностях Кольванского завода выявился недостаток леса. Без него же, точнее без древесного угля, производства металла быть не могло. Приходилось завод останавливать, пока не нарастет новый лес. А чтобы выплавка меди и серебра не прерывалась – построить новый завод. Выбор же места под него в решающей мере обуславливался запасами леса. Во всех предписаниях по этому делу подчеркивалось: «довольно ль лесов, как на строение заводов, и на содержание оных углем», «надо лес сосчитать к дровосеке» и т.п. При этом предусматривалось, чтобы место это «не ближе было к Барнаульскому заводу, дабы употребляемыми оным лесами в последующие времена потомки могли довольствоваться без оскуднения».

Осенью 1749 г., по предписанию заводской канцелярии, писчик Иван Лешков и станочник Григорий Шикалев с крестьянином деревни Барнаульской Иваном Козловым осмотрели исток озера Песчаного в Барнаулку. По словам Козлова, еще ранее он предлагал маркшейдеру Старцеву место на самой Барнаулке, выше своей деревни верст на пять. В 1754 г. поиски были продолжены гиттенфервальтером Арефьевым и упоминавшимся уже Старцевым, «но удобных мест не отыскано». В мае 1756 г. рассматривались варианты строительства на речке Каракане, вблизи устья Чарыша, выше по нему, «где живет крестьянин Клепиков», и в других местах.

Особенно поиски усилились с осени 1761 г., после второго приезда на Алтай А.И. Порошина, уже в должности главного командира заводов. Велись опросы бывалых крестьян. Обещалось за ценные сведения «положенное по указу» вознаграждение. В марте 1762 г. обсуждалась идея строительства завода на Алее неподалеку от деревни Кашиной, где предполагалось запрудить исток из озера. В апреле советник Христиани и плотинный мастер Мартин «прилежно и подробно» осмотрели места на речках Иткуль и Чемровка (под Бийском). К обсуждению результатов привлечены были советник Улих и горные офицеры Кольванского

завода. В конце апреля–начале мая геодезист Пимен Попов с крестьянином чумышской деревни Усовой Гаврилом Волковым, прежде немалое время промышлявшим на степных озерах, обследовали места по Барнаулке у озер Урлаповского и Песчаного. Вскоре с той же целью здесь побывал и сам Порошин с большой командой и тем же Волковым. Примечательно, что за эти поездки Гаврило был освобожден от очередных заводских работ.

Летом 1762 г. Пимен Попов с крестьянином Тимофеем Кочневым обследовали окрестности озера Островного, потом правую сторону Барнаулки выше Парфенского станца. Одновременно здесь разведывались и запасы бутового камня. В августе тот же Попов с маркшейдером Ильей Кузнецовым осмотрели местность, «где сходятся леса Касмалинский и Барнаульский» (ныне Волчихинский и Егорьевский районы). Отсюда их экспедиция проехала через пространства на речку Кулунду. В октябрь–ноябре снова делались расчеты строительства на речках Кормихе и Кулунде.

Далее Порошин сужает район поиска. В феврале 1763 г., по его указанию, Христиани, плотинный мастер Рябиков и плотник Патрикей Климентьев, пользуясь зимним ледоставом, проехали на речки Рассказиху и Акутиху, сделали необходимые замеры, сняли планы местности. В это же время Пимен Попов и Иван Мартин осмотрели течение Касмалы от деревни Шипуновой, находившейся у Островных озер, до озера Горного (15 верст), обмеряли высоту берегов, ширину и глубину речки, рассчитали длину предполагаемой плотины, определили состав грунта и расстояние до запасов глины. В рапорте этой группы, датированном 25 февраля, сказано также: «Да в тот же проезд осмотрели место выше деревни Урывской в одной версте по речке Касмале». Далее подробно излагались показатели обмеров и исследований грунта.

22 апреля 1763 г. управитель Белоярской земской избы Федор Бугрышев доложил Порошину: крестьянин Белоярской слободы Гаврило Шурыгин считает, что «к строению нового завода место есть хорошее и способное... вверх по Обе на речке Рассказихе». Предлагалось запрудить вытекающие из займища и мохового болота две малые речки и т.д. А далее сообщалось мнение Софона Тагильцева: «К заводу нет места лучше строением на Касмале речке вверх в деревне Урывской или ниже оной, где построена была мельница...». Далее Софон обосновывает свое предложение, о чем будет сказано ниже.

Имея эти и другие предложения, А.И. Порошин счел возможным принять окончательное решение. 12 мая он с большой свитой на десяти подводках выезжает через Гоньбу и Чернопятову на Урывскую. Двумя днями ранее по этому маршруту для подготовки сменных лошадей и мест отдыха проехал драгун Антон Шадрин. Для обеспечения безопасности поездки нужные меры приняла располагавшаяся в Барнаульском заводе воинская часть.

Ранним утром 13 мая Порошин, кадетский сержант Елагин, Попов, Мартин и другие пошли вверх по реке. Убедились, что все так, как и докладывалось: река, лес, степная равнина в обскую сторону...

Но дело и на этом не закончилось. Из Урывской тем же утром Порошин и его свита поехали через Громотину в Куликову (ныне Тюменцевский и Ребрихинский районы), где на речке Кудлунде осмотрели место, указывавшееся ранее Поповым. Затем проехали до Степной Касмалы, что течет из Островных озер в Горное, сравнили увиденное с имеющимися описаниями. Отсюда, наконец, сочли возможным возвратиться [3].

Поиски, охватившие огромную территорию (около двадцати районов нынешнего Алтайского края), на этом закончились. Далее следовали долгие расчеты, раздумья. И только после этого было принято решение: строить новый завод близ впадения речки Фунтовки в Касмалу, у деревни Урывской.

Таким образом, в длившейся многие годы работе участвовали десятки людей, названных здесь и не названных: заводские специалисты, приписные крестьяне, военные люди, высшее заводское начальство. Это – во-первых. Во-вторых, геодезист Попов и плотинный мастер Мартин дали Порошину геодезическую и гидрологическую оценку места, где потом будет построен Павловский завод, за два месяца до того, как Порошин узнает о мнении безвестного крестьянина Тагильцева. Как же быть с повторенным в ряде публикаций утверждением прекрасного краеведа П. Копытова, что «Софон Тагильцев стал первооткрывателем места под новый завод»? [4]

Очевидно, в данной ситуации не следует претендовать на однозначное определение приоритетов. Ясно, что без научных расчетов профессионалов Порошин не решился бы принять ни одно из возможных решений. В то же время нельзя не заметить, что доклады специалистов и чиновников страдали, как правило, узостью интересов, односторонностью, потерей конечной цели. Геодезист и плотинный мастер сосредоточивались на высоте берегов, глубине течения, особенностях грунта, наличии строительных материалов. Чиновники делали упор на способах доставки руд, возможности прокладки дорог, расстояниях. Горький же опыт Кольванского завода, который в 1759 г. был остановлен из-за нехватки леса, в полной мере не учитывался. Софон же Тагильцев не только «объявил» место, но и всесторонне обосновал свое мнение, заглянув при этом на многие годы вперед: течение речки неоскудное, дороги пролегают степными местами, без больших гор и взлобков. А главное, соснового лесу, если этого лесу будет мало – за Обью, не далее пятнадцати верст, большой Инской бор, с реки имеются удобные взвозы в деревнях Боровиковой или Песчаной [5]. Подход здесь не узко специальный и не чиновнически ограниченный, а хозяйский, государственный. И

неудивительно, что Порошин остановил свой выбор на варианте, обоснованном Софоном Тагильцевым.

Кратко о нем.

Можно предположить, что предки Софона имели фамилию Фунтиковых и жили издревле в Центральной России. Потом в массе других раскольников-старообрядцев бежали от крепостной зависимости и преследований официальной церкви на север, в пределы Архангелгородской губернии. А когда царские и церковные власти настигли их и там, ушли на Урал и осели в издавна существовавшей Тагильской волости. Затем в поисках земли и воли оказались в деревне Ировской Ишимского дистрикта, с новой уже фамилией – Тагильцевы. А в начале XVIII в. поселились на устье Чумыша и созданную здесь деревню по привычке стали называть Ировской. При переписи 1719 г. чиновники именовали деревню Усть-Чумышской, таковой она и значится в составе Тальменского района, хотя в памяти старожилов все еще хранится прежнее название.

Софон Афанасьевич, младший сын в семье, был неграмотен. Отличался, судя по всему, трудолюбием и хозяйской сметкой. Женат был на дочери Миняя Казанцева, одного из основателей нижнечумышской деревни Зайцевой. После смерти отца переселился в соседнюю деревню Язову. В отличие от родителей, брата и сестры к расколу не принадлежал. По житейским делам и в силу родственных связей бывал не раз в Урывской, хорошо знал ее расположение. Умер в 1777 г. в возрасте 73-х лет. Оставил многочисленную семью [6]. Его прямые потомки до сих пор проживают в Язовой.

Небезынтересна судьба деревни, когда-то стоявшей на месте будущего Павловского завода.

В 40-х годах XVIII в. крестьяне деревни Усть-Чумышской Григорий Афанасьевич Тагильцев, «он же и Фунтиков» (старший брат Софона), и Саватей Артемьевич Пукин (позднее – Лунин) стали распахивать землю на левом берегу Оби, вверх по Касмале. Неподалеку от речки, впадающей в Касмалу и названной ими Фунтовкой, поставили дома, скотные дворы, а позднее и мельницы. К заимке подселились семьи крестьян Тимофея Опарина (Апарина) из Малышевской слободы и Алексея и Ивана Кунгуровых из деревни Тальменской. В 1751 г. образовавшееся таким образом поселение было учтено как «деревня на Урыве Фунтикова» [7].

В конце 50-х годов из Фунтиковой-Урывской по каким-то причинам выехали обратно на Чумыш Тагильцевы. Имея в виду, что эта семья первой поселилась на земле будущего Павловска (ныне райцентр), можно привести о ней некоторые подробности. Григорий Афанасьевич, грамотный записной раскольник, в массе крестьян Белоярского ведомства выделялся как некий подвижник, защитник крестьянских интересов. В алтайской историографии известен тем, что в 1745 и 1746 гг. обращался к представите-

лю императрицы Безру с пространными доношениями о притеснениях, чинимых приписным крестьянам демидовскими чиновниками [8]. Его старший сын Иван (1728-1813 гг.), также человек грамотный, многие годы был выборным сборщиком раскольнического двойного оклада (налога), а в 70-х годах назначался управителем Белоярской земской избы. То есть исполнял должность, всегда занимавшуюся чиновниками или офицерами. В 1798 г. он основал известное ныне в Топчихинском районе село Фунтики [9]. Второй сын Григория, Яков, арестовывался по подозрению в связях с Пугачевым, но, по нелепости обвинения, вскоре освобожден. Считался одним из авторитетов старообрядчества. Последние годы жил и похоронен в деревне Шипициной (на Чумыше) [10], знаменитой случаями самосожжения раскольников.

Вскоре после выезда Тагильцевых в Урывской поселилась большая семья Елуниных [11]. Когда началось строительство завода, стало ясно, что поля и луга урывских хлеборобов будут «претерпевать крайнюю скудость и разорение». В апреле 1764 г. они попросили позволения переселиться на Барнаулку к озеру Песчаному. Разрешение было дано, и вскоре на указанном месте обозначилась новая деревня, называемая поначалу Урывской, а потом, по озеру, Песчаной (Песьянской) [12].

Примечания

1. Копытов П. Павловску – 200 лет. Барнаул, 1963. С.4-5; Степанская Т.М. Архитектура и искусство XVIII–начала XX в. // История Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1995. С. 447.
2. Иванченко Н.В. Павловский завод в XVIII в. // Ползуновские чтения 1989 г. Барнаул, 1989. С.25.
3. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371. Л. 3-138.
4. Копытов П. Указ. соч. С. 4.
5. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 371. Л. 128 об.-129.
6. Булыгин Ю.Ф. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 34-35; ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 250 об.; Ф. 169. Оп. 1. Д. 229 а. Л. 57; Д. 834. Л. 115-117.
7. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 316 об., 317; Д. 45. Л. 143 об.
8. Там же. Д. 273. Л. 190 об.; Д. 3. Л. 207-208; Д. 10. Л. 121-122 об.
9. Там же. Д. 546. Л. 355; Д. 539. Л. 632-633; Оп. 2. Д. 1218. Л. 59.
10. Там же. Оп. 1. Д. 659. Л. 784-791.
11. Там же. Д. 273. Л. 199 об.
12. Там же. Д. 370. Л. 128, 131 об.; Ф. 2. Оп. 1. Д. 8269. Л. 224.